

DOI: 10.15643/libartrus-2023.2.3

Когнитивная лингвоантропология в контексте языковой картины мира

© Л. Г. Юсупова

*Уральский государственный горный университет
Россия, 620144 г. Екатеринбург, улица Куйбышева, 30.*

Email: lyalyax@bk.ru

Статья посвящена когнитивной лингвоантропологии, под которой автор понимает методологию исследования языковых единиц, порождаемых, хранимых и используемых индивидуумами в процессе коммуникации в конкретном социуме. Когнитивная лингвоантропология изучает то, как с помощью живого естественного языка происходят процессы номинации и актуализации важнейших мировоззренческих установок человека, связанных с выходом в язык результатов концептуализации и категоризации окружающего мира. В связи с этим вербализация естественным образом осуществляется с опорой на контексты употребления соответствующих концептов. Автор отмечает, что ключевым поворотным моментом в направлении антропологии явилось утверждение торжества человека как мыслящего субъекта, ищущего опоры и силу именно в себе самом, ощущение себя как субъекта познания и отчуждение человека от породившего его космоса.

Ключевые слова: *антропология, когнитивная лингвоантропология, коммуникация, функционирование ментального лексикона, репрезентация конкретных лексических единиц.*

В свете лингвистической антропологии антропология трактуется в настоящее время как исследование языка и речи с целью выявления принципов, объясняющих человеческое поведение [17], в то время как под когнитивной лингвоантропологией мы понимаем главным образом методологию исследования языковых единиц, порождаемых, хранимых и используемых индивидуумами в процессе коммуникации в конкретном социуме.

Когнитивная лингвоантропология изучает то, как с помощью живого естественного языка происходят процессы номинации и актуализации важнейших мировоззренческих установок человека, связанных с выходом в язык результатов концептуализации и категоризации окружающего мира. В связи с этим вербализация естественным образом осуществляется с опорой на контексты употребления соответствующих концептов. В данном случае речь идет о выявлении и отражении в языке особой последовательности мыслей человека в процессе его исторического, социального и духовного развития. Отметим также, что поскольку процессы концептуализации и категоризации интересны нам в преломлении к языку, когнитивная лингвоантропология может быть значительно уже когнитивной лингвистики, в которой исследуются, например, образное мышление, ментальные сферы и концепты, имеющие в достаточной степени опосредованное отношение к языку.

Реализация идеи у человека представляет собой смену его образов в соответствии с решением основного вопроса, касающегося соотношения ментального и материального (mind-body relationship) и связанного с исследованием и пониманием мыслительных процессов и сознания человека: человек *разумный, производящий* (человек-машина), человек *научно-обусловленный*,

символически-обусловленный, играющий и, наконец, человек-компьютер (когда долговременная память приравнивается к жесткому диску (hard disk), а кратковременная – к флеш-карте (memory stick)). Кроме того, социокультурное профилирование человека в окружающей среде способствует развитию таких образов, как человек *религиозный, толерантный (vs нетолерантный), политически-ангажированный (vs аполитичный), деятельный (vs инертный)* и т.д. Каждое из данных духовных воплощений оказывает непосредственное влияние на изменение словарного запаса конкретного языка, а также, что немаловажно для настоящего исследования, приводит к изменению акцентов в изучении таких определяющих лингво-когнитивных механизмов, как накопление и хранение знаний, включая процессы категоризации, концептуализации; функционирование ментального лексикона, репрезентация конкретных лексических единиц и др.

Главными направлениями русскоязычно-ориентированной антропологии являлись изучение связи человека с «тайной его же личности», взаимоотношение человека и бога, соотношение свободы и творчества, цели и значения жизни, предназначения человека и его судьбы, любви к человеку и проблема добра и зла. Данная тематика находила отражение в языке, а неизбежно возникающие противоречия, например, между свободой личности и принципами всеединства, преодолевались через обогащение сознания концептами соборности, софийной природы мира и человека, его нравственного совершенствования и т.п.

Стоит отметить, что в важнейшие периоды своего развития человек всегда ассоциировал себя со своими наивысшими достижениями в ключевых для него областях. С недавнего времени математический разум трактуется как высшая форма связи между человеком и окружающей реальностью, как инструмент постижения морального и космически-ориентированного порядка. Например, Р. Декарт полагал, что математика в свернутом виде содержит все законы и природы, и языка, что, основываясь только на математических постулатах, можно познать окружающий мир [4]. В настоящее время языковое сознание интерпретируется в терминах компьютерной метафоры, в то время как в начале XX в. с развитием телефонной связи человеческое сознание приравнивалось к сложному (применительно к условиям того времени) телефонному коммутатору (для сравнения: в Древней Греции сознание и мозг человека уподоблялись катапульте как вершине человеческой мысли в военном искусстве). В результате, человеком постоянно предпринимается попытка изменения своей собственной научно-экономической, политической, социокультурной, а, следовательно, и языковой формации, что знаменует собой очередной этап его развития, когда вся область человеческих возможностей направлена на исследование и изменение своей субъективности и окружающего пространства. Так, Б. Паскаль называл индивида «мыслящим тростником» в безграничном пространстве, при этом бесконечность космического пространства сопоставлялась с человеческим разумом, навеяв мысль об эфемерности человеческого существования. Позднее И. Кант, которого также занимали тайны звездного неба и нравственные законы личности, писал, что индивид принадлежит одновременно двум «мирам»: необходимости, обусловленной действием законов природы, и миру нравственной свободы как непрременной составляющей антропологической эпохи перемен, самоотречения и самопознания [5, 6].

Однако ключевым поворотным моментом в направлении антропологии явилось утверждение торжества человека как мыслящего субъекта, ищущего опоры и силу именно в себе самом, ощущение себя как субъекта познания и отчуждение человека от породившего его космоса. Мышление, в т.ч. языковое (понимаемое еще не как форма материальной субстанции, а

как ментальная сущность), стало пониматься как нечто достоверное и данное в себе, как свобода, содержащаяся в «я мыслю», а не нечто, привнесенное извне. Подобное понимание известного «я мыслю» предлагает М. Мамардашвили, называя это состояние «звонящей прозрачностью одиночества», «смысложизненным актом», в котором, с одной стороны, осуществляется «поединок с миром», а с другой – стремление никого не посвящать в нечеловеческое напряжение души [8, с. 110].

Еще одним поворотным моментом в оценке человеком собственной сути, устанавливающим иную систему координат в исследовании антропологической сути индивида и ведущим к пересмотру самоидентификации (получившим также отражение в языке), явилась концепция Г. Гегеля, предложившего изучать человека в системе общественно-производственных отношений как активное, предметно-действующее, общественное начало, как инструмент самопознания и самосовершенствования мирового разума [3, с. 264]. В дальнейшем, развивая данные идеи, К. Маркс подчеркивал, что человек находится во взаимодействии, даже когда остается наедине с собой, все его основные характеристики (интеллектуальные, чувственные, телесные) социально обусловлены. При этом развитие человеческой культуры представляется как процесс опредмечивания и распределмечивания человеческих способностей, а в социальной природе индивида всегда царит отчуждение, потому что «собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он господствовал над ней» [10, с. 20]. Отсюда на протяжении тысячелетней истории мы отражаем собой эпоху, в которой человек является «совершенно и безусловно „проблематичным“, когда он больше не знает, что он собой представляет, но одновременно он знает о том, что он этого не знает» [16].

На рубеже XVIII в. важнейшие открытия в естествознании осветили проблему иерархического местоположения человека в окружающем биологическом пространстве. Так, П. Линелл, введя понятия «*Homo sapiens*» и «примат», настоял на исключении ряда животных из числа человеческого рода: ленивца как «дикого индейца», моржа как «морского человека», дельфина и др. [7]. Параллельно ввод в научный обиход понятий «субъект» и «объект» привел к возникновению новоевропейского типа человека, ставшего преобразователем и высшим властителем мира.

Представленная общая картина развития антропологической парадигмы не может быть полной без отражения в ней становления русской мысли, которая в общих чертах состоит в универсальном подходе к проблеме человеческого существования, поскольку характерной чертой русской культуры является неприятие западного индивидуализма. «Русская» антропология возвращается к темам единства человека и мира, космического значения отдельной личности и принципа всеединства, что нашло отражение в работах Н. А. Бердяева [1999, 2003], С. Н. Булгакова [1933, 1936, 1945], Ф. М. Достоевского [1985], В. В. Зеньковского [1948–1950], И. А. Ильина [1918], В. В. Розанова [1992], В. Соловьева [1967], Л. Н. Толстого [1958], Е. Н. Трубецкого [1913а, 1913б], П. А. Флоренского [2013], С. Л. Франка [1990], Л. И. Шестова [1991–1993] и др.

Что касается языковой картины мира, то она предназначена для хранения, использования и транспонирования наиболее приемлемого и понятного упорядочивания знания, которое представляет собой воплощенное в когнитивной сфере отражение внешнего мира. Также назначение языковой картины мира обуславливает обеспечение преемственности языкового мышления носителями конкретного языка с использованием традиционно сложившихся

категорий, отражающих информацию о социальном и жизненном укладе, исторических судьбах, географическом положении, повседневной практике и т.п.

Со времен гипотезы Сепира-Уорфа и даже ранее постулировалась невозможность развития языка вне конкретной культуры как «унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [12]. При этом каждая национальная культура отражает индивидуальный и далее (по мере усвоения лексических единиц) общественный тип соотношения знакового символизма в языке (например, персонификация или аниматизация). В плане влияния этих процессов в языке на языковую картину мира, как справедливо отмечали З. Мамардашвили и А. Пятигорский, считается, что чем древнее культура, тем «сильнее в ней отграничение использования символов от использования собственно знаковых систем» [9, с. 183].

Поскольку человеческая жизнь зачастую наполнена всякого рода мучениями и далека от блаженства, человек предпринимает поиск смысла собственного существования. В связи с этим высшей целью сущностного процесса развития человека объявляется его духовное общение, которое В. Соловьев называет церковью, понимая под этим идеал и «первоначальную данность». Человек должен стремиться к этому идеалу, проходя длительную эволюцию материальных предпосылок, т.к. «безусловное нравственное значение человеческой личности требует для нее совершенства и полноты жизни. Это требование не удовлетворяется ни простым отрицанием несовершенства (как в буддизме), ни одним идеальным причастием к совершенству (как в платонизме или вообще идеализме); оно может быть удовлетворено только действительным присутствием и осуществлением совершенства в целом в человеке и во всем его жизненном круге» [11, с. 325]. В этом случае непосредственно процесс совершенствования, в котором заключается смысл нашей жизни, интерпретируется как собирательный процесс, происходящий в человеке, т.е. в семье, народе, человечестве. В связи с этим разделяем мнение Франка о бытии как «всеединстве, в котором все частное есть и мыслимо только через свою связь с чем-либо другим – и в конечном итоге со всем иным» [15, с. 34].

В современной интерпретации антропологический аспект восприятия мира подразумевает признание мистической целостности человечества как всеединства природы и как основы его исторического единства. По С. Н. Булгакову, только целостный человек, укорененный в бытии и воодушевленный Богом, может служить основанием и целью сущего [1–2]. По мнению В. В. Зеньковского, «соборность человечества <...> есть живая семья, единый организм, рассеянный пространством и временем, но не утративший глубокого, подлинного органического единства...» [19].

Обобщая исторический экскурс в осознание человеком своей антропологичности, отметим, что если античный человек воспринимал бытие как космический дом, а человек средневековья принадлежал к определенной иерархической ступени сотворения бытия, то человек Нового времени стал репрезентантом окружающего предметного мира, все более оказываясь мерой и средоточием сущего.

Литература

1. Булгаков С. Н. *О Богочеловечестве: в 3 ч.* Париж: YMCA PRESS, 1933. Ч. 1. Агнец Божий. 468 с.
2. Булгаков С. Н. *О Богочеловечестве: в 3 ч.* Париж: YMCA PRESS, 1936. Ч. 2. Утешитель. 447 с.
3. Гегель Г. *Энциклопедия философских наук: в 3 т.* М.: Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики. 452 с.
4. Декарт Р. *Сочинения: в 2 т.* М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
5. Кант И. *Критика чистого разума.* М.: Мысль, 1994. 591 с.

6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // И. Кант. *Сочинения: в 6 т.* М.: Прогресс, **1965**. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
7. Линелл П. Письменная языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли // *Studia Linguistica Cognitiva*. Иркутск: изд-во БГУП, **2009**. Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. С. 153–192.
8. Мамардашвили М. *Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки*. М.: Лабиринт, **1996**. 432 с.
9. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке*. М.: Школа «Языки рус. культуры», **1999**. 216 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 глава «Немецкой идеологии») // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Избранные произведения: в 3 т.* М.: Политиздат, **1983**. Т. 1. 152 с.
11. Соловьев В. С. *Сочинения: в 2 т.* М.: Мысль, **1988**. Т. 1. 892 с.
12. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М., **1993**.
13. Уорф Б. Л. Грамматические категории // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., **1972**.
14. Уорф Б. Л. Лингвистика и логика // *Новое в зарубежной лингвистике* / Сост. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, **1960**. Вып. 1. С. 183–198.
15. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // *Философские науки*. **1990**. №5. С. 82–90.
16. Шелер М. Из статьи «Человек и история». studfiles.net. URL: <https://studfiles.net/preview/5999046/page:9/>.
17. Hymes D. *Essays in the History of Linguistic Anthropology*. Amsterdam: John Benjamins, **1983**. 406 p.
18. Linell P. *Rethinking Language, Mind and World Dialogically: Interactional and Contextual Theories of Human Sense-Making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, **2009**. 482 p.
19. Зеньковский В. В. URL: http://www.odinblago.ru/problemi_vospitania/2.

Поступила в редакцию 15.02.2023.

После доработки – 14.04.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.2.3

Cognitive linguoanthropology in the context of the linguistic picture of the world

© L. G. Yusupova

*Ural State Mining University
30 Kuibyshev Street, 620144 Yekaterinburg, Russia.*

Email: lyalyax@bk.ru

The article is devoted to cognitive linguoanthropology, by which the author understands the methodology of the study of linguistic units generated, stored and used by individuals in the process of communication in a particular society. Cognitive linguoanthropology studies how, with the help of a living natural language, the processes of nomination and actualization of the most important ideological attitudes of a person associated with the release into the language of the results of conceptualization and categorization of the surrounding world occur. In this regard, verbalization is naturally carried out based on the contexts of the use of relevant concepts. The author notes that the key turning point in the direction of anthropology was the assertion of the triumph of man as a thinking subject seeking support and strength in himself, the feeling of himself as a subject of knowledge and the alienation of man from the cosmos that gave birth to him.

Keywords: anthropology, cognitive linguoanthropology, communication, attributive approach, existentialist approach, functioning of the mental lexicon, representation of specific lexical units.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Yusupova L. G. Cognitive linguoanthropology in the context of the linguistic picture of the world // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 2. Pp. 104–110.

References

1. Bulgakov S. N. *O Bogochelovechestve: v 3 ch.* Parizh: YMCA PRESS, 1933. Pt. 1. Agnets Bozhii.
2. Bulgakov S. N. *O Bogochelovechestve: v 3 ch.* Parizh: YMCA PRESS, 1936. Pt. 2. Uteshitel'.
3. Hegel G. *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.* Moscow: Mysl', 1974. Vol. 1. Nauka logiki.
4. Descartes R. *Sochineniya: v 2 t.* Moscow: Mysl', 1989. Vol. 1.
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma.* Moscow: Mysl', 1994.
6. Kant I. I. *Kant. Sochineniya: v 6 t.* Moscow: Progress, 1965. Vol. 4. Pt. 1.
7. Linell P. *Studia Linguistica Cognitiva.* Irkut-sk: izd-vo BGUP, 2009. No. 2. Nauka o yazyke v izmenyayushcheisya paradigme znaniya. Pp. 153–192.
8. Mamardashvili M. *Neobkhodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu, doklady, stat'i, filosofskie zametki.* Moscow: Labirint, 1996.
9. Mamardashvili M. K., Pyatigorskii A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke.* Moscow: Shkola "Yazyki rus. kul'tury", 1999. 216. s.
10. Marx K., Engels F. K. Marx, F. Engels. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* Moscow: Politizdat, 1983. Vol. 1.
11. Solov'ev V. S. *Sochineniya: v 2 t.* Moscow: Mysl', 1988. Vol. 1.
12. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii.* Moscow, 1993.
13. Uorf B. L. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya.* Moscow, 1972.
14. Uorf B. L. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike.* Comp. V. A. Zvegintseva. Moscow: Progress, 1960. No. 1. Pp. 183–198.

15. Frank S. L. *Filosofskie nauki*. **1990**. No. 5. Pp. 82–90.
16. Sheler M. Iz stat'i "Chelovek i istoriya". studfiles.net. URL: <https://studfiles.net/preview/5999046/page:9/>.
17. Hymes D. *Essays in the History of Linguistic Anthropology*. Amsterdam: John Benjamins, **1983**.
18. Linell P. *Rethinking Language, Mind and World Dialogically: Interactional and Contextual Theories of Human Sense-Making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing. **2009**.
19. Zen'kovskii V. V. URL: http://www.odinblago.ru/problemi_vospitania/2.

Received 15.02.2023.

Revised 14.04.2023.